

КОНЦЕПТ ПОЛИТИЧЕСКОЙ НАЦИИ ПРИМЕНИТЕЛЬНО К «ТРАДИЦИОННЫМ» ГОСУДАРСТВАМ ЗАПАДА: ФРАНЦИЯ, США И ГЕРМАНИЯ

Анализируются основные концепты политической нации и нациестроительства, используемые в США, Германии и Франции. Прослеживается исторический путь соответствующих проектов нациестроительства, суммируются их достоинства и недостатки. На основе этого анализа представлены выводы о границах возможностей соответствующих подходов к строительству политической нации.

Ключевые слова: политическая нация, государство, мультикультурализм.

Ріаханов Ш. Н. Концепт політичної нації щодо «традиційних» держав Заходу: Франція, США і Німеччина

Аналізуються основні концепти політичної нації і націєбудування, що використовуються в США, Німеччині та Франції. Простежується історичний досвід відповідних проектів націєбудівництва, підсумовуються їхні переваги та недоліки. На основі цього аналізу зроблено висновки щодо меж можливостей відповідних підходів до розбудови політичної нації.

Ключові слова: політична нація, держава, мультикультуралізм.

Riakhanov Shyngyz. The concept of political nation with special reference to the «traditional» Western States: France, USA and Germany

The article provides an overview of the main concepts of political nation and nation-building, which are used in three leading powers of the modern West — the USA, Germany and France. By tracing the historical experience of the respective nation-building projects, the article provides for a summary of their strengths and weaknesses. Proceeding from the aforementioned analysis, some conclusions as to the boundaries of the relevant approaches toward political nation-building are duly presented herein.

Key words: political nation, State, multiculturalism.

Проведение исследований формирования политических наций на постсоветском пространстве предполагает знание и использование опыта других регионов мира. Целесообразно прежде всего обратиться к примерам тех обществ, которые в мировой этнополитической теории рассматриваются как своего рода «эталонные» и трактуются как своего рода «образцы» реализации той или иной модели построения политической нации¹. Это способствует выявлению специфики общего и особенного в плане реализации соответствующими социумами собственных проектов построения политической нации.

Начать рассмотрение данной проблематики вполне логично с Франции, так как именно это государство первым взяло на вооружение концепт «нации» (франц. *la nation*) в современный период своего существования (т. е. после 1789 г.). Однако тут стоит также отметить, что представление о политическом единстве Франции как «нации» можно выводить частично даже из эпохи Высокого Средневековья: еще в 1274 г. понятие «нации» употребляется к Франции в целом в одной из монастырских хроник аббатства Сен-Дени, а в 1318 г. в похожем контексте употребляется термин «*natione gallicus*» («галльская нация»)². Тем не менее, именно Французская революция положила конец местным и региональным политическим идентичностям, а также сокрушила вековое деление общества по сословному признаку, утвердив тем самым понятие единого гражданства и всеобщего доступа к государственным должностям, невзирая на происхождение³. Именно в этом ключе уже в 1882 г. (т. е. спустя почти столетие после начала революционных событий) Э. Ренан в своем известном докладе на конференции в университете Сорбонны «Что есть нация?» (франц. «*Qu'est-ce qu'une nation?*») отмечал, что принадлежность к нации является по своей природе «актом субъективным», т. е. личностного (точнее, межличностного) волеизъявления индивидов, а вовсе не исходит механически из факта их общего происхождения⁴. По мнению Э. Ренана, отождествление нации с «расой» как ее понимали в XIX в. (т. е. с этносом) представляет собой «весьма глубокую ошибку», поскольку при

этом происходит подмена понятий: «этнографическим или скорее языковым группам приписывают некий суверенитет, подобный тому, которым обладают действительно существующие народы»⁵.

Концепция Э. Ренана, представляющая собой последовательное оппонирование примордиалистским взглядам на сущность нации, впоследствии была взята на вооружение Французской Республикой как политическим режимом, окончательно утвердившимся во Франции по завершению революционных потрясений XIX в. Уже в начале XX в., несмотря на распространение в тогдашней Франции расиалистских и расистских концепций, набирает силу убежденность в том, что принципиально возможно ассимилировать и приобщать к французской национальной культуре как недавних иммигрантов из других европейских государств, так и население «цветных» колоний, недавно покоренных Францией на других континентах⁶. Этим было положено начало последовательному отказу от остаточных элементов романтического этнонационализма, которые были все еще присущи французскому республиканскому патриотизму в эпоху Романтизма («галльская теория» происхождения современных французов⁷. Однако окончательно современная универсалистская концепция Франции как политической нации (тем не менее, тесно связанная с культуралистской концепцией «франкофонии»⁸) утвердилась по итогам Второй мировой войны, вследствие которой любые этницистские, и тем более расиалистские, концепции французской нации оказались полностью дискредитированы ввиду тесных связей основных выразителей подобных идей с державами Оси⁹.

В настоящее время можно говорить о том, что традиционная республиканская концепция французской нации, основанная на утверждениях о важности национального суверенитета и о принципиальной открытости Франции для иммигрантов и «франкофонных» жителей бывших колоний при условии согласия последних с базовыми республиканскими ценностями, переживает очевидный кризис. Начиная с середины 1980-х

годов, на фоне нарастающих темпов иммиграции, во Франции проходит общественно-политическая дискуссия по вопросу о границах «французскости» как таковой¹⁰. Хотя как условно «левые», так и условно «правые» участники данных дебатов никоим образом не отрицают основоположный принцип светского республиканизма как основы конструирования французской политической нации¹¹, тем не менее, в основе их расхождений лежат принципиально различные трактовки этого принципа в контексте его применения при принятии / ассимиляции новых иммигрантов. В то время как французские «правые» (представляемые Национальным фронтом, а с 2018 г. — Национальным движением) делают упор на «несовместимости» культурных ценностей и стереотипов иммигрантов из стран, принадлежащих к исламской цивилизации, с секулярными ценностями и «христианским» наследием французской нации¹², «левые» силы, следующие во многом в фарватере якобинской традиции времен Революции, обосновывают важность внеэтнического и внерелигиозного измерения «французскости», в то же время зачастую делая упор на важности солидарности с населением бывших французских колоний¹³. Таким образом, несмотря на антиэтницизм, присущий основным участникам данной дискуссии, фактор исторических связей стран-источников иммиграции во Францию с французской культурой (и французским колониальным опытом) можно рассматривать как переменную, влияющую на восприятие возможности ассимиляции тех или иных этнокультурных групп французской республиканской нацией.

Как уже было указано выше, факторы языка и культурного наследия играют заметную роль в формировании и поддержании идеологии французской нации на современном этапе ее развития. Особый акцент на сохранении ведущей роли французского языка как фактора единства французской политической нации характеризует современную политику французской национальной идентичности как скорее лингво-центричную. Несмотря на то, что в современной Франции наряду с литературным французским языком продолжают сохранять

свое значение и региональные языки (эльзасский, баскский, бретонский, каталонский, корсиканский, фламандский, и окситанский¹⁴), французское государство в течение многих десятилетий последовательно маргинализировало соответствующие этноязыковые меньшинства, отрицая сам факт их существования именно как меньшинств¹⁵. По словам современного французского исследователя Р. Шнаппера, «во Франции логика гражданства исключает логику меньшинств»¹⁶, т. е. признание универсальной возможности каждого, разделяющего основные принципы французской республиканской культуры, присоединиться к французской нации исключает признание существования внутри самой нации особых групп (меньшинств)¹⁷.

Примером такого рода политики может служить следующий малоизвестный факт: вплоть до 1980 г. Франция отказывалась от ратификации Международного пакта о гражданских и политических правах (принят ГА ООН в 1966 г.), поскольку, по мнению французской стороны, статья 27 данного международного договора (касающаяся гарантий прав религиозных и национальных меньшинств свободно практиковать свой язык, традиции и религиозные верования) нарушала основоположный принцип Конституции Французской Республики (1958 г., статья 2) о недопустимости проведения различий между гражданами на основе происхождения, расы или религии¹⁸. Знаменательно также, что, согласно французскому законодательству, запрещено включать в переписи населения и прочие официальные демографические исследования пункты, затрагивающие расовую принадлежность и этническую идентичность интервьюируемых, если только последние открыто не дадут на это своего согласия (начиная с 1978 г.¹⁹). Потому можно утверждать, что французская национальная идентичность во многом построена на отрицании возможности множественных идентичностей внутри единой политической нации и на особом внимании на недопущении противопоставления этнонациональных меньшинств, с одной стороны, и французской нации, с другой.

Таким образом, случай Франции показывает, что сконструированная по итогам Французской Революции и последующих исторических процессов модель французской политической нации отличается особым акцентом на единстве (унитарности) политической культуры (и в принципе, культуры общества как такового), а также на отрицании возможности существования множественных (плюральных) идентичностей внутри «тела» нации как таковой. В то же время постулируется принципиально открытая возможность ассимиляции и иммиграции как источников пополнения национального коллектива новыми членами без каких-либо официальных предубеждений относительно их этнического происхождения (однако со скрытыми преференциями в пользу носителей французского языка из бывших колоний Франции). В этом смысле случай французской политической нации демонстрирует диалектическую взаимосвязь идеологического универсализма республиканского типа и культурного партикуляризма «франкофонного» направления.

В свою очередь американский опыт демонстрирует одновременно и сходный, и отличный пример проекта политической нации, в рамках которой открыто провозглашенный универсализм (пожалуй, еще более всеобъемлющий, нежели в случае французской республиканской нации) соседствует с то открытыми, то латентными проявлениями англосаксонского нативизма (представления о первенстве англоязычной культуры первых колонистов и их потомков над культурными традициями позднее прибывших в США групп иммигрантов²⁰), а также «белого» расизма (расового супрематизма²¹). Первоначально в основе проекта американской нации как политического сообщества лежал принцип сосуществования идеалистического тезиса о совместном «преследовании счастья» в духе идей Просвещения, с одной стороны, и столь же просвещенческий, но куда более материалистический взгляд на принципиальное неравенство рас внутри политического сообщества ранних США, что означало автоматическое исключение коренных жителей Америки (индейцев) и чернокожих рабов

из числа субъектов, могущих участвовать в жизни американской нации²².

Более того, на первом этапе политического бытия США среди их «отцов-основателей» было распространено убеждение в уникальной «предрасположенности» к политической свободе «англосаксонской расы» в сравнении даже с прочими выходцами из Западной Европы. Так, в 1776 г. в ходе обсуждения внешнего вида будущей государственной печати США будущий третий президент США Т. Джефферсон предложил поместить на ее обратной стороне изображения Хенгиста и Хорсы — легендарных вождей англосаксов, «чьими потомками мы имеем честь быть и чьи политические принципы и форму правления мы приняли на вооружение»²³. Похожим образом и Б. Франклин отстаивал несовместимость основанных на «английских» обычаях политических порядков Соединенных Штатов и «иностранных» иммигрантов из германских государств, чей наплыв, по его мнению, угрожал США «германизацией»²⁴. На протяжении XIX в. англосаксонский (а позже — протестантский) нативизм приобрел значительное влияние на восприятие и ассимиляцию (или отсутствие таковой) новых поколений иммигрантов из стран Южной и Центральной Европы, в то время как даже после завершения Гражданской войны 1861-1865 гг. представители чернокожего населения США так и не получили возможности полноценного участия в политической, экономической и культурной жизни американского общества. До 1920-х годов полностью маргинализированы были и коренные американцы, которым отказывалось в праве быть частью американской нации²⁵.

В общем же, к началу XX в. «официальная» американская идентичность носила несколько противоречивый характер, включая в себя тезис о США как о колыбели принципа свободы и опоре прав человека, но также и о США как политическом сообществе, созданном английскими колонистами-«пионерами» и ставящем перед собой цель обеспечить благоденствие их потомков²⁶. Вследствие нескольких актов Конгресса США, преследующих цель ограничения потока новых имми-

грантов по принципу этнорасовых квот²⁷, к 1910-м — 1920-м годам сформировалось представление о WhiteAnglo-Saxon-Protestants («белых протестантах англосаксонського происхождения) как одновременно ядра и элиты американського общества, а принцип расово-этнической иерархии на время приобрел фактически квази-официальный характер (не говоря уже об официальной сегрегации чернокожих в южных штатах США²⁸).

Положение поменялось начиная с 1940-х годов, когда в условиях краха легитимности расистской идеологии в контексте Второй мировой войны и участия США в войне на стороне антигитлеровской коалиции стало политически невозможно поддерживать привилегированное положение англо-американцев и потомков западных европейцев вообще. С этого момента под руководством администраций Ф.Д. Рузвельта и в особенно Г. Трумэна происходит решительный отход от предыдущего принципа англосаксонского супрематизма, на смену которому приходит тезис о США как о лидере «свободного мира» и носителе идеалов свободы для всех, невзирая на происхождение и цвет кожи. В условиях бурного экономического роста 1950-х — 1960-х годов и экспансии общества массового потребления возникла необходимость обеспечить хотя бы условное равноправие всех потребителей на национальном рынке, а также обеспечить рынок труда США новой рабочей силой, что и повлекло за собой отмену установленных в 1920-х годах этнорасовых квот на иммиграцию (так называемый акт Харта-Селлера, вступивший в силу 30 июня 1968²⁹).

Этот момент можно с символической точки зрения считать переломным в истории американской политической нации, поскольку именно с этого момента федеральное правительство официально отказалось от политики поддержания сложившегося к началу XX века этнодемографического баланса внутри населения США, выступив в поддержку принципиальной возможности массовой иммиграции, если таковая будет идти на пользу развитию национальной экономики³⁰. Вплоть до 2010-х годов никем из основных игроков политической

системы США этот тезис не будет ставиться под сомнение. Наряду с либерализацией подходов к иммиграционной политике, к концу 1960-х годов был введен официальный запрет на расовую сегрегацию в отдельных штатах США, что подорвало также и прежнюю систему расовой иерархии, проводившейся по признаку цвета кожи³¹. С этого момента можно говорить о том, что этнический и расистский компоненты конструирования исторической идентичности американской политической нации оказались полностью делегитимизированными в глазах американского общества и основных субъектов его политической системы.

Начиная с 1970-х годов можно вести речь о кардинальном переформатировании самого принципа функционирования американской политической нации, поскольку теперь во главу угла все более ставится принцип защиты прав разнообразных этнических и расовых меньшинств, и даже «позитивной дискриминации» в пользу последних. Сам принцип «разнообразия» (diversity) приобретает роль своего рода национального «символа веры» со стороны либералов и прогрессивистов, и в свою очередь становится главным жупелом для так называемых палеоконсерваторов — одной из правых фракций Республиканской партии, ставших в резкую оппозицию к политике «разнообразия» во всех ее формах³². Именно дискуссия между прогрессивистами и палеоконсерваторами (позднее радикализировавшимися в форме так называемых «альтернативных правых»³³) определила интеллектуальный климат дискуссии о будущем американской нации в 1990-х — 2000-х годах³⁴. Можно даже утверждать, что следующие диаметрально противоположным подходам по вопросам национальной идентичности и иммиграционной политики администрации Б. Обамы и Д. Трампа представляют собой практическое воплощение идейных разработок соответствующих интеллектуальных фракций. Как делающий упор на тотальной инклюзии (включении) различных этнических, расовых и культурных групп в общий проект американского общества Б. Обама, так и неонативистки настроенный противник продолжения

массовой иммиграции из стран Латинской Америки в США Д. Трамп считали и считают свой взгляд на прошлое и будущее американской нации единственно верным, что во многом является не более чем проявлением упомянутой выше принципиальной двойственности лежащей в основе американской национальной идентичности идеологии Просвещения.

Подытоживая, можно сделать вывод, что идеология американской политической нации в ее историческом разрезе демонстрирует постепенный переход от смешения просвещенческого универсализма с «белым» расизмом и англосаксонским нативизмом к нынешней комбинации этого же универсализма с принципом «разнообразия» и защиты прав меньшинств от посягательств (ранее господствовавшего) большинства. В рамках обеих комбинаций происходит попытка совмещения всеобъемлющих принципов прав человека и демократического суверенитета с ограничивающими их действенность более специфическими принципами, в обоих случаях вращающихся вокруг концепта расы, но трактующих его совершенно противоположным образом. Поэтому нынешний кризис американской национальной идентичности вовсе не является чем-то уникальным: скорее, он естественным образом заложен в саму ее парадигму. В любом случае, проект американской политической нации просто обречен на попытки найти баланс между универсализмом прав человека и его реализацией в условиях многорасового (и уже практически двуязычного) общества современных США.

Наконец, специфика германской политической нации на сегодняшнем этапе ее развития состоит в том, что это государство пережило достаточно болезненный исторический перелом, связанный с дискредитацией ранее безраздельно господствовавшей парадигмы этнической нации (*das Volk*), заложенной в свое время усилиями немецких романтиков и близких к ним мыслителей, преимущественно на основании прусской модели государственности, в конце XVIII—первой половине XIX ст. Так как для этого проекта нацистроительства с самого начала был присущ определенный шовинизм (относительно

французов см. соответствующие резко отрицательные высказывания И. Г. Фихте о «новолатинских народах» в «Речах к немецкой нации»³⁵; касательно славян — замечания Ф. Энгельса о «неисторических народах»³⁶), можно в некоторой степени согласиться с теми, кто рассматривает немецкий романтический национализм того времени как непосредственную основу будущей национал-социалистической идеологии «Третьего рейха»³⁷.

Потому понятно, что после 1945 г., в условиях дискредитации немецкого этнического национализма³⁸, возник вопрос о переформатировании самой парадигмы немецкой нации как таковой, чему также содействовала и необходимость привлечения иностранных рабочих (прежде всего, из Югославии и Турции) для обеспечения динамичного экономического роста послевоенной Западной Германии. Этим и объясняется постепенный, очевидный примерно со второй половины 1970-х годов переход, сперва в Западной Германии, а позже — и в объединенной Германии, к мультикультуралистской политике, ставящей во главу угла понятие интеграции новоприбывших в немецкое общество³⁹. К тому же, исторический шок ответственности немецкого общества за приход к власти национал-социалистов и последовавшую за этим разрушительную войну (включая ужасы Холокоста) подтолкнул новое поколение западных немцев («поколение 1968 года»⁴⁰) радикальным образом переосмыслить и во многом осудить немецкое прошлое, что и привело к формированию так называемой «антифашистской» культуры среди немецкой городской образованной элиты, решительным образом настроенной против всякого этницизма и партикуляризма в конструировании национального образа Германии⁴¹. Соединение этих двух тенденций и привело к исторически запоздалому формированию проекта мультикультурной политической нации современной Германии, находящейся в резком противоречии с первым, чисто этническим (и этницистским) проектом единой германской нации эпохи XIX—первой половины XX вв.

Вплоть до иммиграционного кризиса 2015 г., во многом обнажившего внутренние противоречия немецкого мультикультурализма и положившего начало достаточно насыщенной дискуссии вокруг его последствий⁴², можно говорить о безраздельном господстве идеологии интеграции различных этнических сообществ в рамках немецкой политической нации. В то время как понятие «мультикультурализм» порой получало отрицательные оценки (в том числе и от самой А. Меркель во второй половине 2000-х годов)⁴³, необходимость последовательной интеграции иммигрантов, равно как и поддержания иммиграции новой рабочей силы на достаточно высоком уровне, зачастую обосновывалась прагматически, с точки зрения необходимости повышения конкурентоспособности экономики Германии в условиях старения самого немецкого населения⁴⁴. Наряду с этим в образованных слоях немецкого общества полного господства достигла идеология «радикально-универсалистского», по определению Р. Лёффлера, мультикультурализма, предполагающая абсолютизацию культурного плюрализма и отрицание «особого положения» (*exclusive Stellung*) фактора этничности как маркера политической идентичности⁴⁵. Такого рода «наивный» мультикультурализм, вместе с призывами рассматривать Германию как «нацию иммигрантов», во многом определял политический климат страны на протяжении 2000-х годов. Однако в то же время начинаются дебаты о статусе исторической немецкой культуры как «ведущей культуры» (*Leitkultur*) немецкой политической нации, что можно считать признаком активизации анти-мультикультуралистских и анти-интеграционистских настроений внутри немецкого общества⁴⁶.

Данная дискуссия привела к образованию трех основных лагерей в немецком обществе и политикуме: 1) сторонников немецкой национальной культуры в ее традиционном осмыслении как «ведущей» в современной Германии; 2) адептов «конституционно-патриотического консенсуса» (*einesverfassungspatriotisch-grundwertorientierten Konsenses*), высказывавшихся в пользу примата «общих ценностей», исходящих из

духа Конституции 1949 г. как основы национального единства; и 3) радикальных оппонентов концепта «ведущей культуры», отрицающих сам фокус на общности культурных ценностей и стереотипов как «нацистский»⁴⁷. В настоящее время официально признанной немецким государством является скорее вторая из вышеописанных позиций, что во многом связано с устоявшимся в современной Германии культом Конституции 1949 г. как основы общественно-политического строя⁴⁸. Однако начавшееся в 2015 г. размывание политического консенсуса привело к активизации как первого, так и третьего из вышеупомянутых лагерей, чьи позиции, соответственно, представлены в партийно-политических программах «Альтернативы для Германии» и «Зеленых»⁴⁹. Поэтому можно скорее сделать вывод, что поиски устойчивой идентичности новой немецкой политической нации, избавленной от этнического партикуляризма и при этом исходящей из определенного общего взгляда на собственную культурную матрицу, на данный момент не увенчались успехом.

Таким образом, сделанный в этой статье обзор основных парадигм политической нации, взятых на вооружение тремя ведущими государствами современного Запада, позволяет сделать ряд выводов относительно пределов эффективности соответствующих проектов. Во-первых, во всех трех моделях построения политической нации наблюдается периодическое (и все более глубокое) обострение противоречия между стремлением к единству (унификации) национальной культуры путем включения новых групп и сообществ в состав нации, с одной стороны, и необходимостью принимать во внимание (или отвергать) факт наличия внутри соответствующей нации вышеупомянутых сообществ, которые вполне могут отклоняться от магистральной линии той этнической культуры, которая в конечном счете лежит в основании изначального проекта построения политической нации.

В этом плане Франция и США представляют две диаметрально противоположности, поскольку французский проект нациестроительства предполагает тотальную культурную уни-

фикацию разнородных элементов без акцентирования внимания на факте данной разнородности, в то время как американский проект политической нации исторически балансировал между крайностями «белого» расизма и англосаксонского культурного супрематизма, с одной стороны, и восхвалением иммиграции как формы культурного «обогащения» и реализации практик «позитивной дискриминации», с другой. Германия же, со своей стороны, представляет собой некую среднюю линию между двумя описанными выше проектами, что, однако, вовсе не означает, что современная модель немецкой политической нации представляет собой некую «золотую середину». Скорее следует вести речь о незрелости и неопределенности немецкого проекта политической нации, в рамках которого вроде как достигнутый консенсус по вопросам иммиграции и интеграции оказался под ударом в условиях беспрецедентного наплыва экономических иммигрантов и искателей убежища (*Asylbewerber*) в 2010-х годах. По этой причине все три проекта построения и развития политической нации в условиях кризиса национальной идентичности тех, кого традиционно считали «американцами», «французами» и «немцами» как таковыми, ставит под вопрос совместимость принципов политической нации и единства политической культуры общества в стремительно глобализирующемся мире наших дней.

1. Зайка К. В. Модели национальной интеграции в Германии, Франции, Великобритании, США и Канаде в послевоенный период в условиях возрастающих иммиграционных потоков. *Сравнительная политика*. 2017. Т. 5. № 3 (17). С. 109-127. 2. Этнос и «нации» в Западной Европе в Средние века и раннее Новое время / отв. ред. Н. А. Хачатурян. Санкт-Петербург: Алетейя, 2015. С. 17. 3. Keitner C. J. Paradoxes of nationalism: The French Revolution and its meaning for contemporary nation building. Albany: State University of New York Press, 2007. P. 99; Bell D. A. The cult of the nation in France: inventing nationalism, 1680-1800. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2003. P. 50-78. 4. Renan E. Qu'est-ce qu'une nation? Conférence faite en Sorbonne, le 11 mars 1882. URL :https://web.archive.org/web/20080216031848/http://ourworld.compuserve.com/homepages/bib_lisieux/nation01.htm 5. Ibid. 6. Camiscioli E. Reproducing the French race: immigration, intimacy, and embodiment in the early twentieth

century. Durham and London: Duke University Press, 2009. P. 11. **7.** Ibid. P. 75-99. **8.** Gildea R. France since 1945. Oxford: Oxford University Press, 2002. P. 274. **9.** Ibid. P. 67,175. **10.** Feldblum M. Reconstructing citizenship: the politics of nationality reform and immigration in contemporary France. Albany: State University of New York Press, 1999. 227 p. **11.** Ibid. **12.** Bleich E. Race policy in France. URL: <https://www.brookings.edu/articles/race-policy-in-france>; Новоженова И. С. Франция: Национальный фронт и проблемы иммиграции. *Актуальные проблемы Европы* / ИНИОН РАН. 2004. № 2: Правый радикализм в современной Европе. С. 99-112. **13.** Малиновська Н. Франкофонія як інтеграційний процес зовнішньої політики Франції (на прикладі африканських країн). *Міжнародні відносини, суспільні комунікації та регіональні студії*. 2017. № 1. С. 25. **14.** Oakes L. Language and national identity: comparing France and Sweden. Amsterdam and Philadelphia: John Benjamins Publishing Company, 2001. P. 89. **15.** Ibid. P. 95. **16.** Schnapper D. La communauté des citoyens : sur l'idée moderne de nation. Paris: Gallimard, 1994. P. 189. **17.** Ле Коадик Р. Во Франції нет меньшинств. URL: <https://hal.archives-ouvertes.fr/hal-00872699/document>. **18.** Simon P. The choice of ignorance: the debate on ethnic and racial statistics in France. *French Politics, Culture & Society*. 2008. No 26(1). P. 11. **19.** Ibid. P. 7. **20.** Шимчишин М. М. Модернізм, нативізм і творення американської ідентичності початку ХХ століття. *Науковий вісник МДУ імені В. О. Сухомлинського*. Серія «Філологічні науки. Літературознавство». 2015. № 1 (15). С. 245. **21.** Horsman R. Race and Manifest Destiny: The origins of American racial Anglo-Saxonism. Cambridge, MA: Harvard University Press, 1981. 380 p. **22.** Шимчишин М.М. Цит. праця. С. 245-248. **23.** Horsman R. Op.labor. P. 22. **24.** Cafferty P. S. J., Chiswick B. R., Greeley A. M., Sullivan T. A. The dilemma of American immigration: beyond the golden door. New Brunswick and London: Transaction Books, 1984. 214 p. **25.** Horsman R. Op.labor. P. 189-207. **26.** Kaufmann E. The rise and fall of Anglo-America. Cambridge, MA: Harvard University Press, 2004. P. 11-36. **27.** Cafferty P. S. J., Chiswick B. R., Greeley A. M., Sullivan T.A. Op. labor. P. 44-55. **28.** Tischauser L. V. Jim Crow laws. Santa Barbara, Denver and Oxford: Greenwood, 2012. P. 35-106. **29.** Hart-Celler legacies. URL: <https://history.house.gov/Exhibitions-and-Publications/APA/Historical-Essays/Growing-Diversity/Hart-Celler>. **30.** Ibid. **31.** Tischauser L. V. Op.labor. P. 107-128. **32.** Rosenberg P. From the «old right» to the alt-right: how the conservative ideology of FDR's day fueled the rise of Trump. URL: <https://www.salon.com/2016/10/08/from-the-old-right-to-the-alt-right-how-the-conservative-ideology-of-fdrs-day-fueled-the-rise-of-trump>. **33.** Ibid. **34.** Brown T. C., Mason J. Immigration trends and immigration debate. URL: <https://bipartisanpolicy.org/wp-content/uploads/2017/08/BPC-Immigration-Trends-and-the-Immigration-Debate.pdf>. **35.** Фихте И. Г. Речи к немецкой

нации / пер. с немецкого А. А. Иваненко. Санкт-Петербург: Наука, 2009. С. 138-141. **36.** Химка І.-П. Вступ до «Енгельса та «неісторичних» народів» Романа Роздольського. URL: <https://commons.com.ua/uk/rosdolsky-engels-problem-volker>. **37.** Viereck P. *Metapolitics: from Wagner and the German Romantics to Hitler*. 2nd edition. London and New York: Routledge, 2017. 620 p.; Bialas W. *Politischer Humanismus und «verspätete Nation»: Helmuth Plessners Auseinandersetzung mit Deutschland und dem Nationalsozialismus*. Göttingen: Vandenhoeck & Ruprecht, 2010. 295 s. **38.** Ibid. **39.** Малахов В. Культурные различия и политические границы в эпоху глобальных миграций. Москва: Новое литературное обозрение; Институт философии РАН, 2014. С. 115. **40.** Klimke M., Scharloth J. 1968. *Handbuch zur Kultur- und Mediengeschichte der Studentenbewegung*. Stuttgart: Verlag J.B. Metzler, 2007. S. 1-11. **41.** Ibid. S. 37-49. **42.** Sola A. The 2015 refugee crisis in Germany: concerns about immigration and populism. SOEP. The German Socio-Economic Panel study at DIW Berlin, 966/2018. 34 p. URL: https://www.diw.de/documents/publikationen/73/diw_01.c.583437.de/diw_sp0966.pdf. **43.** Меркель: мультикультуралізм у Німеччині не вдався. URL: <https://www.radiosvoboda.org/a/2193007.html>. **44.** Foundation for Economic Education. The German economic miracle depended on immigrants. URL: <https://fee.org/articles/the-german-economic-miracle-depended-on-immigrants>. **45.** Löffler B. *Integration in Deutschland: Zwischen Assimilation und Multikulturalismus*. München: Oldenbourg Wissenschaftsverlag, 2011. S. 219. **46.** Ibid. S. 294. **47.** Ibid. **48.** Габермас Ю. Громадянство і національна ідентичність. Умови громадянства: збірник ст. / під ред. Вартаван Стінбергена. Київ: Український Центр духовної культури, 2005. С. 49-51. **49.** Alternative for Germany. Manifesto for Germany. The political programme of the Alternative for Germany. URL: https://www.afd.de/wp-content/uploads/sites/111/2017/04/2017-04-12_afd-grundsatzprogramm-englisch_web.pdf; Deutsche Welle. Germany's Green party outlines 'talent card' immigration plan. URL: <https://www.dw.com/en/germanys-green-party-outlines-talent-card-immigration-plan/a-38297650>.

Riakhanov Shyngys. The concept of «political nation» with special reference to the «traditional» Western States: France, USA and Germany

This article analyzes models of political nations building, identifies similarities and differences in countries, which are regarded as a «reference» in the world ethnopolitical science — in France, the USA and Germany.

The French experience shows that the model of the French political nation, based on the results of the French Revolution and subsequent historical processes, has a special focus on the unitarity of political culture, as well as on

the denial of the possibility of the existence of plural identities within the «body» of the nation as such.

The ideology of the American political nation in its historical context demonstrates a gradual transition from «white» racism to the protection of the rights of ethnic and racial minorities, and even «positive discrimination» in favour of the latter. The project of the American political nation has to find a balance between the universalism of human rights and its implementation in the conditions of a multiracial (and already almost bilingual) society of the modern United States.

Historically, the German model of nation-building has undergone many changes: from the Prussian paradigm of the ethnic nation (das Volk) to multiculturalism. At present, followers of a «constitutional-patriotic consensus» dominate German society and politics, favouring the priority of «shared values» as the basis of national unity.

In this regard, France and the United States represent two diametrical opposites, since the French project of nation-building implies a total cultural unification of heterogeneous elements, while the American project of a political nation historically balanced between the extremes of «white» racism, on the one hand, and the praise of immigration as a form of cultural «enrichment» on the other. Germany, for its part, is a kind of middle line between the two projects described above. However, the recent immigration crisis questions the effectiveness of the German model of multiculturalism.

The author concludes that all three projects of building and developing a political nation in a crisis of national identity of those who were traditionally considered «Americans», «French» and «Germans» as such, question the compatibility of the principles of political nation and unity of the political culture of society in the present-day globalizing world.

Key words: political nation, State, multiculturalism.

УДК 323.21

АБДАРАХМАН АЛБРНІ

ПОЛІТИЧНІ КОНФЛІКТИ: ТЕОРЕТИЧНІ АСПЕКТИ

Проаналізовано сутнісні характеристики перебігу сучасних конфліктів їх врегулювання та вирішення. Визначено, що конфлікти це особливий тип соціальної взаємодії, що характеризується протилежністю цілей, інтересів

© АЛБРНІ Абдарахман — аспірант кафедри державного управління Київського національного університету імені Тараса Шевченка